

«ЛИРИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ» М.А.ОСОРГИНА В КОНТЕКСТЕ ЭМИГРАНТСКИХ СПОРОВ ОБ ИСТОРИИ

© 2012 О.Г.Жиганова

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 18.05.2012

Статья посвящена рассмотрению романа М.А.Осоргина «Книга о концах» как историософского. Утверждается, что в нем осуществляется попытка непредвзятого анализа и осмысления всемирной истории, частью которой является и история России. На основе исследования историософских взглядов писателя делаются выводы о причинах его непростых отношений с другими представителями культуры Русского зарубежья.

Ключевые слова: историософия, природа, история, стихия, материальное / духовное, общее / частное.

Михаил Андреевич Осоргин – один из самых ярких представителей культуры Русского зарубежья, один из ее создателей. И никто из серьезных исследователей личности и творчества писателя не может обойти вниманием факт его особого положения в эмигрантском социуме, обусловленного принципиальными идейными расхождениями с большинством эмигрантских общественно-политических течений. Так, М.Вишняк в своих «Современных записках» утверждает, что он «... всегда предпочитал быть сам по себе, со своим особым подходом к вещам и идеям»¹. Наличие этого «особого подхода» объясняет конфликты писателя с окружением и драматичный характер его отношений с представителями практически всех эмигрантских периодических изданий – и консервативных, и либеральных. С этой точки зрения показательна публичная полемика писателя с А.Ф.Керенским на страницах газеты «Дни» в 1925 г. Результатом спора стало заявление А.Ф.Керенского о том, что Осоргина будет навеки запрещено публиковаться в этом периодическом издании, хотя до этого М.А.Осоргин заведовал литературным отделом газеты. М.А.Осоргин всегда мечтал вернуться в Россию, поэтому хранил советский паспорт и подчеркивал свой статус «изгнанника», противопоставляя его статусу «эмигранта» – человека, добровольно покинувшего родину. Это привело к разрыву его отношений с В.Ходасевичем и Мережковскими, которые были радикально настроены против «Совдепии» и любое проявление

сочувствия к СССР воспринимали как смертный грех. Мы решили посвятить свой доклад именно тому, как особая «идеология» писателя, отраженная его романе «Книга о концах», способствует более глубокому пониманию причин его принципиального несовпадения «с эмигрантским хором»².

На наш взгляд, особенности поэтики позволяют говорить об этом произведении как о романе историософском, то есть таком, который репрезентирует национальный образ мира – представления нации о себе и исторической миссии своей страны. Языком описания истории оказывается в этом случае система мифологии, которая выстраивает вариант авторского национального мифа. «Книга о концах» – это текст, отражающий взгляд автора на всемирную историю, частью которой является и история России. М.А.Осоргин делает попытку их непредвзятого анализа и осмысления. А подобное, объективное, рассмотрение возможно только при наличии четко выстроенной системы координат с определенной точкой отсчета. В рамках историософской концепции М.А.Осоргина такой точкой отсчета является природа с ее абсолютными, вечными и неизменными, законами. Писатель декларирует господство природного начала в мире, поэтому историческая жизнь с ее многочисленными кровопролитными социальными катастрофами рассматривается как побочное «ответвление» естественного природного бытия. Однако автору важно подчеркнуть и определенную степень автономности исторической жизни. Для этого он вводит в текст представления о ней как о театрализованной реальности. Характеристика истории осуществляется с помощью театрального кода. В повествовании возникают образы спектакля, сцены, актеров, статистов, кордебалета: «Обождите, потерпите, поскучайте, – скоро, в свете цвет-

⁰ Жиганова Ольга Геннадьевна, аспирант Самарского государственного университета.

E-mail: zhiganovaolga@rambler.ru

¹ Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. – С.196 – 197 / Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden» // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/vishnyak_sovremennye_zapiski_1957.pdf. (Дата обращения 10.05.2012).

² Там же. – С.197.

ных прожекторов, выплывет на пуантах престарелая балерина-прелестница Европа... Июль 1914 года... Антракт между действиями устаревшей комедии «Человечность»³. В данном случае наиболее важными оказываются два аспекта театральности. Во-первых, она подчеркивает, что автором истории является человек. Ведь в основе театрализации – желание людей разнообразить жизнь, создавать другую реальность в противовес существующей. Во-вторых, у М.А.Осоргина понятие «театральность» наполняется отрицательными коннотациями и трактуется как извращение гармоничного порядка вещей. Историческая реальность в «Книге о концах» постоянно соотносится с естественным существованием. При этом исторические события нередко изображаются с помощью природных образов, а описания такого рода носят ироничный, даже пародийный характер. В частности, в изложении Бодрясина внутрипартийная борьба оказывается «горой свежего навоза», вождь сравнивается с гусем, ведущим за собой толпу других гусей – последователей, а программы и лозунги революционных идеологов иллюстрируются примерами, взятыми из жизни собаки Жако: « – Как ты думаешь, Жако, выполнима ли программа партии социалистов-революционеров?... Минимум – это полная политическая свобода; тебя, Жако, окончательно и навсегда спускают с цепи, которая поступает в музей человеческого д-деспотизма. Можешь бегать, мять капусту, лаять, давить кур, совсем уйти с фермы и жить самостоятельной жизнью. Максимум – это полный социальный переворот, при котором земля не принадлежит никому и в то же время принадлежит всем, а продукт труда целиком поедается трудящимися; понимаешь – весь, до последней косточки»⁴. Эта политическая программа видится ее создателям и приверженцам серьезной, способной изменить судьбу страны. Однако при рассмотрении в подобном контексте ее содержание начинает казаться нелепым и смешным. И уж конечно, ее смысл остается недоступным для Жако: он «смотрит вопросительно и облизывается: непонятно, но заманчиво»⁵. Более того, ради косточки и «чашки немудреной бурды» он готов частично отказаться от недавно обретенной свободы: согласен отдать свое право принимать окончательные решения по всем спорным вопросам «вполне авторитетным лицам» – «спущенным с цепи шлиссельбуржцам». Так автор подчеркивает, что действующие лица кровавых

исторических трагедий нередко ввязываются в них по недомыслию, руководствуясь инстинктивными желаниями – утоления голода, улучшения материальных условий своего существования. В романе материальное и духовное противопоставлены: ради материальных благ человек готов забыть о духовном, даже о собственной независимости. При этом невыполнимость партийных программ также связывается с тем, что во время исторических потрясений у человека инстинктивное начало начинает доминировать над духовным. Реализация на практике всех высоких идеалов возможна, если «с момента переворота люди станут ангелами и будут ужасно любить друг друга»⁶, но исторические катаклизмы не благоприятствуют этому. История оказывается ошибочным биологическим путем, поэтому вместо прогресса несет с собой деградацию: нравственность и мораль отходят на второй план, их побеждают рефлекс и инстинкт самосохранения. Жизнь не улучшается, а упрощается до «земляной канавы с деревянными подпорками», а солдаты словно перестают быть людьми, превращаются в существ неизвестного биологического вида: «Одежда спаялась с телом, лицо поросло щетиной... К голове приросла каска, и даже винтовку нельзя считать за предмет, живущий особо от человека... В дождливую погоду копыта человека набухают в воде, а платье, становясь кожей, тяжелеет»⁷. Если жизнь в гармонии с природными законами способствует естественному, постепенному развитию человека и ведет к последовательным качественным изменениям, эволюции, его личности, то упрощение жизни людей в периоды социальных катастроф оказывается регрессом к исходным, полудиким стадиям развития человечества. Разница между людьми нивелируется, так как они утрачивают большинство ранее актуальных социальных ролей. Над всеми живыми существами нависает страшная угроза внезапной насильственной смерти. Поэтому мир в «Книге о концах» предстает не просто дисгармоничным, а находящимся на грани полного исчезновения. В нем женщины вопреки своей природе не хотят рожать. Главная героиня Наташа, у которой, как и у любой женщины, желание иметь детей является самым сильным из всех, а материнские чувства «сильнее, чем ненависть и даже чем любовь»⁸, говорит: «Я не хочу рожать сыновей и умножать число убийц и убитых»⁹. То есть мотив естественного продолжения рода человеческого сменяется на противоположный – мотив дегене-

³ Осоргин М.А. Времена: Романы и автобиографическое повествование. – Екатеринбург: 1992. – С.456 – 458.

⁴ Осоргин М.А. Там же. – С.454.

⁵ Там же. – С.454.

⁶ Осоргин М.А. Времена:.... – С.454.

⁷ Там же. – С.458 – 459.

⁸ Там же. – С.466.

⁹ Там же. – С.466.

рации человечества, который связывается также с оскудением самого человека, утратой им природной целостности своей натуры, в которой физическая полноценность должна дополняться моральным здоровьем.

Автор постоянно возвращает нас к взгляду на историю как на изуродованное биологическое бытие, поэтому делает акцент на связи природного и исторического. Так он демонстрирует зависимость человека от природы, которая теперь становится уже не только точкой отсчета, но и ориентиром человеческой жизни. Эта зависимость проявляется во всем, что связано с людьми и их деятельностью. Поэтому представления об истории как о театрализованной реальности, созданной человеком и его активными действиями, дополняются в романе представлениями о ней как о стихии: социальная история предстает подобием природной силы: «Больше не будет речи о маленьких героях и любимых лицах: только движение масс, бури океанов... События валият девятым валом...»¹⁰. Стихийность истории проявляется в ее неуправляемости, в невозможности априори определить направление развития исторических событий и их итог: «Куда идем? К каким новым испытаниям влечит нас российская колесница? Мир ли хижинам или война дворцам?»¹¹. Важно, что «тайная сила», которая предопределяет мощь истории, в «Книге о концах» имеет прямое отношение к человеку, точнее, к людской толпе. По сути, история предстает именно социальной стихией, так как в ее основе неконтролируемые порывы и движения огромной народной массы: «Случайная заминка в движении человеческого потока как бы сбросила повязку с глаз отца Якова и направила его стопы обратно стихии, едва его не увлекшей»¹². Здесь возникает парадокс – стихийность истории обусловлена той силой, которой обладает масса людей, однако эта масса оказывается даже более пассивной, чем отдельная личность. Более того, именно пассивность массы оказывается залогом силы исторических катаклизмов, которые даже инертность превращают в активную, неконтролируемую силу. Автор противопоставляет наделенную сознанием личность и несознательную массу, поэтому в рамках его историософской концепции актуализируются оппозиции *общее/частное* и *общественное/личное*. Неспособность отдельной личности противостоять истории-стихии иллюстрируется путем проекции исторических событий на личное бытие человека. При этом масштаб исторических катастроф соотносится с масштабом единичной

жизни человека. Скромная роль личности в истории акцентируется с помощью создания в романе специфического, «исторического», масштаба видения событий. С этой точки зрения существование единичного человека оказывается неважным: равными в своей «малости» являются и простые люди, и люди известные, знаменитые. Поэтому в романе возникает мотив забвения имен великих людей: «Судьба великих завидна! Но, конечно, их имена уже ничего не говорят прохожим и проезжим...»¹³. Актуальной для романа оказывается только косвенная характеристика многих исторических деятелей. Просвещенный читатель сам должен узнать в «скуластом симбирском дворянине» В.И.Ленина, в русском министре, мечтающем разделить Россию на «хуторки», – П.А.Столыпина, в человеке «небольшого роста и дурной наследственности» – Николая II. В водовороте исторических событий любой человек «маленький герой», существование которого «в качестве самостоятельной единицы» перестает иметь значение, учитывая «только при подсчете живых, раненых и убитых»¹⁴. Поэтому любая человеческая попытка реализовать себя как субъекта илидемиурга истории представлена в романе как абсурдная. Исторические трагедии предполагают лишь формальное участие человека: «...мы ничего изменить и поправить, в сущности, не можем»¹⁵. Это еще больше усиливает неоднозначность истории, делая парадоксальность ее доминирующим признаком. На наш взгляд, именно подчеркивая противоречивую, активно-пассивную, роль человека в истории – автор демонстрирует двойную зависимость человека от природы. По М.А.Осоргину, историческая деятельность связана с наивной верой человека в собственную самостоятельность, в то, что он смог преодолеть в себе инстинктивное начало и может властвовать над природой. Однако подобная вера – заблуждение, самообман, так как погружение в активное участие в исторических событиях является следствием переизбытка у людей естественных, природных сил. Переживания, чувства и эмоции управляют человеком, сказываются на его поведении, а физиологические и психические процессы определяют его деятельность. С этой точки зрения, история оказывается заблуждением природы, последствием неверного использования человеком своих сил и способностей. На наш взгляд, автор не отказывается от признания детерминизма в истории, более того, он углубляет его. Причинами исторических катастроф предстают случайные события, однако

¹⁰ Осоргин М.А. Времена:.... – С.466 – 472

¹¹ Там же. – С.469.

¹² Там же. – С.481.

¹³ Там же. – С.371.

¹⁴ Там же. – С.459.

¹⁵ Там же. – С.404.

закономерным и неискоренимым, извечным, предстает сам интерес человека к самостоятельной деятельности. Он заложен в человеческой природе, поэтому не имеет смысла делить людей на правых и виноватых в исторических бедах.

Главным образом, в признании истории чередой ошибок, которых, однако, трудно избежать, и заключается авторская объективность. Эта беспристрастность и непредвзятость автора являет себя и в справедливом и непредубежденном отношении к героям-террористам, которые своими действиями наносили вред другим людям. Энтузиазм героев романа в желании изменить историю не осуждается автором. Их деятельность оказывается сродни болезни, от которой необходимо излечиться путем приближения к гармоничному и естественному природному бытию.

Взгляд М.А.Осоргина на историю, воплощенный в его романах, не был характерным для большинства представителей эмигрантской культуры. Одним хотелось возложить на кого-то ответственность за события, изменившие Россию. Другим – найти в этих событиях особый смысл, который возвысил бы ее над другими странами. М.А.Осоргин же в одном из писем 1936-ого года пишет: «Каждая эпоха считает себя и важнейшей, и необыкновенной, уверяя, что такого «не бывало», каждое поколение считает себя правым и самым мудрым! И однако мудрость говорит, что было и это, было и большее, а люди не поумнели и не стали счастливее»¹⁶. В его концепции истории нет представлений о духовном ореоле русской революции и мессианской роли России в мире. В «Книге о концах» важна мысль о том, что любые исторические катаклизмы уравнивают в несчастье людей всех полов, возрастов и национальностей: «Наконец осуществилось равенство людей. Пехотинец Бодрясин совершенно равен пехотинцу с другим именем и другой расы – француз, негр, арабу...»¹⁷. Уникальность свершившихся в России событий декларируется лишь формально. Автор знает, что их последствия, приведут ко множеству смертей и трагедий в жизнях конкретных людей, поэтому уравнивает их с историческими катаклизмами в других странах: «В соседних домах, в ближних и дальних деревнях, во всей стране, во всех странах – одно и то же»¹⁸. Исключительная историческая ситуация, сложившаяся в России,

предстает типичной. Восприятие человеческого желания «делать историю» как исконного, укорененного в природе людской не позволяет говорить о кардинальных отличиях русского народа от других. Поэтому ни о какой «непознаваемости» и «загадочности» русской души и русского национального характера автор не говорит. Стихийность и непросветленность народного духа воспринимается им как характерная черта всякой людской массы. «Русскость», по М.А.Осоргину, – умение жить с оглядкой на вечные природные законы, глубоко чувствовать родную природу. Именно эта способность позволяет писателю причислить своих любимых героев – профессора-орнитолога и Танюшу из «Сивцева Вражка», отца Якова и Наташу Калымовой из «Свидетеля истории» и «Книги о концах» к числу людей с «руссейшими» сердцами. Будучи «антигосударственником», М.А.Осоргин в «Книге о концах» утверждал, что «настоящей страны, единого государства, словно бы нет, а только живут повсюду... Даши и Параша, дедушки и бабки, да малолетние Васьки с Анютками...»¹⁹. Писатель не признавал, что у государства и народа могут быть собственное сознание, воля и желания. По его мнению, они могут быть присущи только отдельному человеку. Подобные рассуждения не могли не обострять противоречия между М.А.Осоргиным и большинством эмигрантских идеологов, которые долгое время имели «притязания...на право быть выразителями воли русского народа»²⁰. Однако, на наш взгляд, в наибольшей степени пролить свет на обособленное положение писателя помогают его слова, содержащиеся в одном из писем: «Я люблю Россию не наивной любовью человека русской культуры, созданной поколениями идеалистов и реалистов... Это тем хорошо, что я могу быть беспристрастным в оценках. Должны же мы иногда пытаться смотреть со стороны, с возможным бесстрашием!»²¹. Именно попытка быть объективным в пристрастном, резком в оценках и раздираемом противоречиями эмигрантском обществе и отдаляла, отгораживала его от окружающих.

¹⁶ Осоргин М.А. Письма к старому другу в Москве / В.Костиков. Не будем проклинать изгнание... – М.: 2004 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/29001.htm. (11.05.2012).

¹⁷ Осоргин М.А. Времена: – С.459.

¹⁸ Там же. – С.468.

¹⁹ Там же. – С.461.

²⁰ Раев М. Россия за рубежом. – М.: 1994. – С.110.

²¹ Осоргин М.А. Письма к старому другу в Москве....

**M.OSORGIN'S «LIRICAL ANARCHISM» VIA THE CONTEXT
OF EMIGRANT DISCUSSION ABOUT HISTORY**

© 2012 O.G.Zhiganova^o

Samara State University

In this article M.Osorgin's story «Seasons» («Vremena») is analyzed as a historiosophical novel. The article states that in this novel the writer makes an attempt to impartially analyze and understand both the world and Russian history which is an integral part of the global process. Examining historiosophical views of the writer we draw the conclusion on the causes of his complicated relationships with other representatives of Russian cultural Diaspora.

Key words: culture of Russian Diaspora, historiosophy, nature, history, the wave, material / spiritual, universal / individual.

^o *Olga Gennadievna Zhiganova, post-graduate.
E-mail: zhiganovaolga@rambler.ru*